

герой на экране: каким ему быть? =

ИДУЩИЙ В ПЕРЕДИ

Мы часто повторяем правильные, красивые слова о том, что искусство есть человековедение, забывая порой, что глагол «ведать» синонимичен глаголу «знать». Вот в чем вопрос: всегда ли мастера искусства, в том ряду и кинематографисты, знают своего героя в лицо, знают жизнь народа, из глубин которой вырастают личности яркие, характеры мужественные, люди, преданные нашему делу? И не только знают, но и, что самое главное, способны глубоко взволновать нас делами, мыслями, чувствами героя, представленного на экране. Именно взволновать, а не повторить ряд общеизвестных истин о том, что такое хорошо и что такое плохо: ведь подлинное искусство — это когда через глубочайшее сопереживание судьбе конкретного персонажа мы воспринимаем и сопереживаем судьбы народные.

Кино — это оружие исключительной силы, воздействие его на умы и сердца огромно. Мы знаем, какой след в сознании поколений оставили образы Чапаева и «великого гражданина» Шахова, «члена правительства» Александры Соколовой и молодых зimmerовиков из картины «Семеро смелых», герои многих других прекрасных фильмов, родившиеся из благородного сплава правды, одержимости, великолепного актерского таланта. Нынче доводится иногда слышать, что, дескать, есть кино для одних зрительских слоев и есть фильмы недоступные по уровню для других. А я слушаю и вспоминаю нашу киноклассику. И хочется мне有必要 так сказать: ерунда! Настоящий герой, герой, связанный с народом общностью социальной биографии, способен объединить чувства всех. Почаще бы нам следовало обращаться к лучшим лентам прошлых лет и задумываться о секрете их счастливой долговечности. И вот еще вопрос. Чем руководствовались в своем творчестве классики — желанием обслужить вечность или прежде всего стремлением помочь народу в его тогдашней «буче кипучей»?

Думаю, главным для них было второе, что не помещало их фильмам стать золотым фондом советского кино. А у нас нынче то и дело в среде кинематографистов слышишь о «вечных темах», о «диалоге с грядущими», о «системе общечеловеческих образов»... Я в принципе не против, если бы не возникали в результате кинематографические гибриды с условным антуражем, невнятной, зыбкой позицией и героями, лунатически бредущими по жизни, где все им не мило и ничто не может удостоить их космически недостижимого внимания. А ведь самые вершинные успехи нашего кино достигнуты на путях именно реалистического искусства, и именно с ним связаны наши будущие творческие надежды.

В нашей дискуссии прощались досадные нотки, что-де много на сегодняшнем экране «семейных» лент. Охотно разделил досаду, если речь идет о фильмах, где двое-трое персонажей никак не могут разобраться в своих любвишках и бытовых прелезгах. Это уж у нас так повелось: как начнется экранная мода на «бытовщину» или, скажем, сыщиков и воров — только держись, столько наместят де-

тективов, что от каждого темного подъезда станешь шархаться! Но ведь, по сути говоря, не в том дело, на скольких квадратных метрах разворачивается сюжет, а в том, с чем выверяют свою позицию авторы, с каким градусом гражданского темперамента берутся за фильм. А что до «семейной» тематики, то что ж, разве не в семье получает человек свои первые уроки добра, нравственности, патриотизма? Разве не «семейный» фильм «Однажды-двадцать лет спустя», где в судьбе героини Н. Гундаревой, воспитавшей десять детей, звучит такой высокий пример материнства? Или

✓ **Анатолий
ПАПАНОВ,**
народный артист СССР

другой фильм тех же авторов — Ю. Егорова и А. Ивина — «Отцы и деды», в котором мне довелось сыграть главную роль. В семье же все и происходит, и рассказана история в комедийном ключе, а за героем читаются и время, и народные корни, и война, раз и навсегда определившая систему нравственных координат его поколения. Вот что было и остается главным в искусстве — увидеть, понять, прочувствовать человека независимо от того, кто он по профессии — космонавт или водопроводчик.

В этом смысле, мне кажется, наше кино стало действовать шире, если вспомнить время, когда появление чужих не каждого второго героя на экране явно диктовалось кинематографической «выигрышностью» профессии — летчик, хирург, моряк... Словом, поиск стал шире. Глубину бы еще... Она всегда ощутима в работах ведущих киномастеров старшего поколения, она часто присутствует в лентах кинематографистов среднего поколения, и ею до обидного редко отмечены фильмы молодых.

Мне хочется больше, чем сейчас, видеть на экране фильмов о любви к Родине, о настоящей большой дружбе, о том, что человек человеком силен, любовью к женщине, матери, детям; о готовности каждого из нас в любой момент, если это понадобится, выступить на защиту Отечества. Но это темы ответственнейшие, к ним нельзя прикасаться холодными руками, как и ко всему, что имеет отношение к духовному здоровью общества. Меня, помню, потрясли две стихотворные строчки Людмилы Татьянической, посвященные подвигу солдата Великой Отечественной. «...Не клялся он в любви к Отчизне, он просто умер за нее...». Вот чего часто не хватает нашим экранным героям, которым вроде по всем статьям положено именоваться положительными, — такой же вот «некляушечной» любви к святыням. Я взял этого солдата в свою жизнь, для меня он герой идеальный, сыграть такого на сцене или в кино — счастье для актера.

Много ли лично я ощутил таких «звездных часов» за долгие годы актерского общения с кино? Серпилин из «Живых и мертвых», Дубинский из «Белорусского вокзала», еще несколько ролей... Я ни в коем случае не жалуюсь, больше того, я убеж-

ден, что таких работ и не может быть очень много в актерской жизни. Затронул же я актерскую «тему» лишь для того, чтобы самого себя спросить: почему тоже не сумел избежать невыразительных киноролей? Почему в свое время шаблонно сыграл следователя в «Страхе высоты», почему не получился мой инженер Графтио в одноименном фильме? Мог ведь отказаться, работой, слава богу, никогда не был обделен — а не отказался. Дело тут было не во всеядности, я просто не сумел тогда понять из сценарной записи, что герой эти «не мои». Другие актеры, может, и сыграли бы их интересно, а мне братья не следовало. Досадно, потому что по крайней мере за одним из тех героев была яркая прекрасная биография — я имею в виду инженера Графтио, реальную личность, строителя «Волховстроя». И этого еще порой не хватает нам, актерам, — мужества строго спросить себя самого, а не вальс все на плохой сценарий.

Кстати, об этом же — о нехватке хороших сценариев чаще всего актеры говорят и между собой, затронув тему кино. Подразумевается, что мы-то, артисты, хороши всегда и без оговорок, а вот «они» плошают. А надо бы нам, наверное, говорить друг с другом менее комплиментарно, более профессионально и нелестно, и не только в частных беседах. Актерское братство от этого не пострадает, как ничто настоящее не может пострадать от правды. Было такое время в нашем киноискусстве, было, когда самые его прославленные мастера предельно доброжелательно и предельно принципиально, не боясь кого-то обидеть, говорили о работах друг друга в любой общественной аудитории, и мнения эти имели самую широкую гласность, и только выигрывало от этого искусство, народ выигрывал в конечном счете, которому все мы служим. А мы, случается, соберемся, к примеру, в телегостиной — и актер начинает читать свои стихи, которым внимают с хорошо награнным вниманием, а режиссер, глядя, остановиться не может, рассказывая, как он дома кует сталь зачем-то — хобби у него, видимо, такое... Зрители же на все это смотрят и уж не знаю, что о нас думают. Зрители, среди которых и наши будущие герои.

Я, конечно, не хочу сказать, что все наши встречи друг с другом и со зрителем должны носить исключительно характер профессиональных разборов. Отнюдь. Просто я хочу еще раз напомнить собратям по искусству, каким серьезным, безмерно важным делом мы призваны, какие высокие требования предъявляют к работникам искусства партия, народ, нынешнее беспокойное время, о чем конкретно и ясно сказано было на июньском Пленуме ЦК КПСС. И я хочу еще раз напомнить, что все лучшее, что создано в нашем многонациональном экранном искусстве, всегда выражало себя через образ героя, страстного, убежденного в нужности своего дела и, стало быть, убеждающего и нас высоким строем ярких поступков, глубокими мыслями и чувствами. Именно таких героев взял в свою жизнь народ, и только такие герои останутся в духовном опыте ватражных поколений.

ОТ РЕДАКЦИИ

Сегодня мы завершаем разговор на тему «Герой на экране: каким ему быть?», начатый «Советской культурой» более года назад.

Приглашая к разговору мастеров экрана и читателей, газета, разумеется, не предполагала получить какие-либо рецепты создания образа положительного героя. Цель разговора состояла в том, чтобы еще и еще раз привлечь внимание творческой общественности и зрителей к этой важнейшей для киноискусства задаче.

В опубликованных нами материалах затрагивались различные аспекты вопроса, высказывались разные мысли. Но принципиально важно отметить сейчас главное, что объединило все выступления под этой рубрикой. Это — убежденность в необходимости воплощения на экране полнокровного образа положительного героя, который заражал бы зрителей беззаветной верностью коммунистическим идеалам и ярким примером поступков, стал бы властителем дум и чувств на долгие годы. Такие герои есть в жизни. Их рождает наше великое время, динамика созидания. И дело чести, гражданского долг советских кинематографистов — воссоздать в своих произведениях образы героической наполненности, продолжить высокие традиции нашего многонационального искусства социалистического реализма. На это нацеливают мастеров экрана и материалы июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС.

«Действовать, мыслить, чувствовать», — такие качества назвал определяющими в положительном герое кинодраматург Е. Габрилович. Его высказыванию созвучны и размышления большинства выступивших в ходе разговора. Умеющим мыслить по-государственному масштабу, глубоко чувствующим радость и боль времени, способным на решительный поступок и чуждым нравственному компромиссу — таким видится положительный герой современного экрана участникам этого обсуждения — видным советским кинодраматургом, режиссером, актером и многочисленным зрителем — читателям нашей газеты.

Конечно, обсуждение столь многогранной темы не могло не затронуть и некоторых других вопросов, примыкающих к главному. Наиболее интересным из «ответвлений» от основного русла стал разговор об актерском творчестве. Отрадно, что он вышел за рамки традиционных актерских сетований на малую занятость. Выступления актеров были продиктованы весьма серьезным поводом: пониманием насущной необходимости единства усилий для создания ярких экранных образов.

Но возникали в разговоре и суждения не бесспорные, а порой и излишне запальчивые. Так, разделяя озабоченность актрисы Н. Мордюковой судьбами выпускников ВГИКа, едва ли можно согласиться с ее призывом вообще не готовить киноактеров. Видимо, речь должна идти о более внимательном отношении к тому, как складывается творческая жизнь молодых, и об усовершенствовании процесса их воспитания.

Трудно признать верными и некоторые моменты статьи кинорежиссера Н. Михалкова, в частности, категорическое суждение об «устарелости лирического героя», утверждение, что «сценарий — это только повод для создания фильма». Сценарий есть основа фильма, и нет никаких причин подвергать ревизии эту непреложную истину, равно как нет нужды напоминать о важности тематического, жанрового и стилистического разнообразия в киноискусстве и «голоса» каждого участника творческого процесса.

Разговор завершен. Но, конечно, не исчерпана и не может быть исчерпана сама тема — всегда актуальная, приобретающая все более важное значение на каждом новом этапе поступательного движения искусства экрана. Наша газета будет постоянно возвращаться к вопросам воплощения в кинематографе яркого, впечатляющего образа героя — творца и создателя, человека высокой духовности, активного борца за идеалы коммунизма.

Редакция благодарит всех читателей участие в разговоре.